

ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990-Е И 2000-Е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – СУВЕРЕНИЗМ

Т. В. Макаренко

Поступила
в редакцию
19.04.2026

Поступила
после
рецензирования
16.06.2026

Принята
к публикации
09.07.2026

Аннотация. Внешнеполитический курс и внешняя политика постсоветской России в 1991–2025 гг. претерпела существенные изменения, понять и объяснить которые возможно в ракурсе анализа бинарной оппозиции «глобализация-суверенитет». В последнем случае речь идет о четком осознании политией, ее правящими элитами своих национальных интересов, включая необходимость доминирования на постсоветском пространстве.

Целью статьи является исследование процесса формирования и трансформации внешнеполитического курса Российской Федерации, который находил практическое отражение во внешней политике страны с отстаиванием своих интересов государственными и негосударственными акторами посредством задействования механизмов «жесткой силы» и инструментов «мягкой силы».

В качестве методов исследования были использованы: системный подход, цивилизационная и культурологическая парадигмы, неореализм как подход и научная школа, методы факторного анализа, контент-анализ доктринальных документов в области внешней политики, SWOT-анализ, проективная методика bubbles.

Результатами проведенного анализа стали ключевые выводы автора о том, что: 1) на внешнеполитический курс Российской Федерации после распада СССР в начале 1990-х годов кардинально повлияли мегатренды мировой политики (глобализация, демократизация, политическая интеграция); 2) внешнеполитический курс страны первого десятилетия после переустройства государства, остававшегося исторической Россией с усеченной территорией, в меньшей степени учитывал национальные интересы страны; 3) внешнюю политику РФ 1991–2025 гг., на которую влияли внутренние и внешние акторы, логично определить в рамках политической метафоры как «геополитический маятник»; 4) лишь со второй половины нулевых годов внешнеполитический курс страны стал опираться на четко выраженные национальные интересы, которые являлись отражением политической воли основных социальных слоев и групп населения.

В результате проведенного исследования автором предложены рекомендации для государственных и негосударственных внешнеполитических структур (МИД страны, Россотрудничество, российские НКО), которые могут быть учтены в процессе реализации внешнеполитического курса Российской Федерации.

Ключевые слова: мировая политика, глобализация, внешнеполитический курс России, национальные интересы, Концепция внешней политики РФ, совокупный суверенитет.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Макаренко Т.В. Формирование и трансформации внешнеполитического курса российской федерации в 1990-е и 2000-е годы в контексте дихотомии глобализация – суверенизм // Среднерусский вестник общественных наук. – 2026. – Том 21. – №2. – С. 151-171. EDN RWXLYJ.

© Макаренко Т.В., 2026

THE FORMATION AND TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN FEDERATION'S FOREIGN POLICY COURSE IN THE 1990s AND 2000s IN THE CONTEXT OF THE GLOBALIZATION-SOVEREIGNTY DICHOTOMY

T. V. Makarenko

Received
19.04.2026

Revised
16.06.2025

Accepted
09.07.2026

Abstract. *The foreign policy course and foreign policy of post-Soviet Russia in 1991–2025 underwent significant changes. The analysis of the binary opposition “globalization — sovereignty” makes it possible to understand and explain these changes. This concerns the clear awareness of the policy and its ruling elites of their national interests, including the need to dominate the post-Soviet space.*

The aim of the article is to examine the process of formation and transformation of the Russian Federation's foreign policy course, which was practically reflected in the country's foreign policy, with state and non-state actors defending their interests through the use of “hard power” mechanisms and “soft power” tools.

Methods. *The author uses such research methods as a systematic approach, civilizational and cultural paradigms, neo-realism as an approach and scientific school, factor analysis methods, content analysis of doctrinal documents in the field of foreign policy, SWOT analysis, and the «bubbles» projective technique.*

The results. *The author concludes that the foreign policy course of the Russian Federation after the collapse of the USSR in the early 1990s was dramatically influenced by the megatrends of world politics (globalization, democratization, political integration); the foreign policy course of the country in the first decade after the re-establishment of the state – which remained a historical Russia with a truncated territory – took into account the national interests of the country to a lesser extent; the foreign policy of the Russian Federation in 1991–2025, which was influenced by internal and external actors, can be defined as a “geopolitical pendulum” within the framework of a political metaphor; only since the second half of the 2000s, the country's foreign policy began to rely on clearly expressed national interests, which were a reflection of political will the main social strata and groups of the population.*

Discussion. *The author proposes recommendations for state and non-state foreign policy institutions (the country's Ministry of Foreign Affairs, Rossotrudnichestvo, Russian non-commercial organizations) that can be taken into account in the process of implementing the foreign policy course of the Russian Federation.*

Keywords: *world politics, globalization, Russia's foreign policy course, national interests, the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, collective sovereignty.*

Funding: *This research received no external funding*

For citations: Makarenko, T. V. (2026) The Formation and Transformation of the Russian Federation's Foreign Policy Course in the 1990s and 2000s in the Context of the Globalization–Sovereignty dichotomy. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 21. no.2. P. 151–171. EDN: RWXLYJ

© Makarenko T.V., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Во внешней политике Российской Федерации национальный интерес выступает устойчивым политико-ценностным ориентиром развития страны, задающим долгосрочную логику политического поведения государства на международной арене. Именно необходимостью его защиты и последовательного продвижения в значительной степени обусловлен внешнеполитический курс государства, как и наоборот, внешнеполитический курс современной России априори должен иметь базовую основу в виде широкого спектра национальных интересов в мировой политике, которую, как подчеркивал Г. Моргантау, которые государства стремятся реализовать «с помощью международной политики» (Моргантау, 2023), тем более в условиях современной мировой политической конъюнктуры, которая отличается высокой степенью динамичности, а именно: международные процессы ускоряются, возрастает конфликтность, трансформируются привычные механизмы межгосударственного взаимодействия. Подобные изменения затрагивают все сферы обеспечения национальных интересов: государственную, общественную, информационную, экономическую, энергетическую и иные.

Более того, в контексте стремительных международных трансформаций становится очевидным, что для защиты национальных интересов России требуется широкий спектр механизмов и инструментов, сочетающих в себе как определённую гибкость в диалоге с внешнеполитическими партнёрами, использование инструментов «мягкой силы», так и задействование механизмов «жесткой силы» для защиты этих интересов в военных конфликтах с категорией недружественных стран. Точка зрения автора статьи состоит в гипотезе о том, что именно понимание национальных интересов массовыми социальными слоями и группами населения России, частью правящих элит и государственно-ориентированной бюрократией, пережившими травматическое прошлое при распаде СССР и заинтересованными в обретении постсоветской Россией былого влияния на международной арене, предопределяло трансформацию внешнеполитического курса с целью его адаптации к изменяющимся условиям международной среды.

Вместе с тем гибкость внешней политики не может и не должна подменять собой стратегическое планирование. Напротив, данная стратегия предполагает наличие устойчивых долгосрочных ориентиров, задающих пределы допустимой адаптации и обеспечивающих сбалансированность внешнеполитического курса в контексте парадигмы о «первичности национальных интересов и вторичности внешней политики» (Быков, 2010, С.26). Лишь при наличии такой стратегической рамки трансформация тактических решений во внешнеполитическом курсе способна усиливать эффективность внешней политики, не превращая ее в ситуативное реагирование на внешние импульсы.

Современное состояние мировой политики, в особенности периода 2000-х годов, нередко описывается через концепции неопределённости и нестабильности – VUCA, BANI и др., акцентирующие внимание на таких характеристиках глобальной среды, как непредсказуемость, сложность и хаотичность. Однако данные концепты при всей их эвристической ценности в большей степени фиксируют состояние международной среды, нежели предлагают инструменты её осмысления в стратегической перспективе. В этой связи особую методологическую значимость приобретают обращение к анализу мегатрендов мировой политики и учёт российских внутривнутриполитических

факторов, с высокой степенью вероятности определяющие содержательную основу внешнеполитического курса России, реализуемого в контексте глубинных трансформаций мировой политической системы, необходимость его трансформации при опоре на спектр национальных интересов страны, международных отношений на протяжении нескольких десятилетий.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ракурсе понимания и объяснения внешнеполитического курса Российской Федерации, его формирования и трансформации в хронологических рамках 1991–2025 гг. логичным видится обращение к ряду политологических подходов, концептов и теорий, которые и составляют методологию научной статьи. При этом для автора основным концептом в представленном исследовании выступает внешнеполитический курс как компонент общенациональной внешней политики. Проблематика и процессы разработки политического курса исследованы американским политологом Дж. Кингдоном (Kingdon, 2011, P.3) как некий алгоритм действий, начинающийся с определения повестки дня (список тем или проблем, которым правительственные чиновники и люди вне правительства уделяют серьезное внимание), влияния различных политических потоков (Problem Stream – «проблемный поток», Policy Stream – «сеть разработки механизма по решению проблем», Politics Stream – «политический поток как воля политических институтов осуществить изменения на практике»), определения политического курса, включая внешнеполитический курс. Соединение же трёх потоков создаёт для правительства окно возможностей для принятия решений.

Внешнеполитический курс предполагает линию государства в системе международных отношений, для которых характерна, как отмечает Р. О. Кеохейн (Кеохейн, 1999, С.446), преемственность и изменчивость, а также то, каким принципам эти государства следуют.

Отечественный исследователь А. К. Бобров (Бобров, 2025) применительно к Российской Федерации рассматривает формирование и реализацию внешнеполитического курса страны в контексте Концепции внешней политики РФ как доминантного доктринального документа в этой сфере, что, на наш взгляд, правильно и обоснованно.

Вспомогательными концептами при анализе российского внешнеполитического курса являются концепты глобализации (глобализма) и государственного суверенитета (суверенизма), которые считаем надо рассматривать как бинарную оппозицию и которые поочередно доминировали во внешнеполитическом курсе России в течение прошедших тридцати пяти лет. Так, например, сущность и проблематика глобализации (глобализма) изложена в работах Э. Гидденса (Гидденс, 2024), Дж. Сакса (Сакс, 2022), К. А. Аппиа (Аппиа, 2024), У. Бека, А. И. Уткина, В. Б. Кувалдина (Кувалдин, 2017), С. В. Борzych и других¹.

В свою очередь, феноменология суверенитета была исследована в работах Ж. Бодена, М. В. Ильина, Е. Кузнецовой, Л. Н. Клепацкого и других².

¹ Бек У. Что такое глобализация? /Ульрих Бек; Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.; Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление /А.И. Уткин. – М.: Логос, 2001. 254 с.; Борzych С.В. Концепция глобализации: монография /С.В. Борzych. – М.: ИНФРА-М, 2024. 128 с.; Новые тренды в экономической глобализации: Монография /Колл авторов; под ред. А.С. Бугакова, Н.В. Галишевой, М.А. Максаковой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. 505 с.

² Суверенитет. Трансформация понятий и практик: монография /под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО-Университет, 2008. 228 с.; Клепацкий Л.Н. Роль государства в международных отношениях в условиях глобализации /Л.Н. Клепацкий //Вестник РПГУ. Серия:

Разумеется, внешнеполитический курс России формировался в определенных условиях, для которых был характерен мировой политический порядок (Г. Киссинджер, Р. Саква, А. Г. Арбатов и др.)¹, особенности расстановки сил на мировой арене с учетом её конфигурации и в ракурсе однополярного или многополярного мира (В. А. Никонов, А. Г. Дугин, Р. Джервис и др.)², наличия национальных интересов страны в конкретные периоды времени (Г. Моргентау, Р. Арон, О. Н. Быков, А. Е. Городецкий и С. Н. Митяков и др.)³, процесс изменений данного внешнеполитического курса в виде трансформации или пересборки (К. Поланьи, Й. Тернборн, Б. Латур, М. М. Лебедева, О. А. Овсянникова).

Для определения рамочных границ гибкой настройки внешнеполитического курса России в статье предлагается оценка внешнего курса (по аналогии SWOT – анализа) мировой политики (табл.1), выделяемых профессором М. М. Лебедевой (Николаева, 2024). К числу таких мегатрендов относятся глобализация, политическая интеграция и демократизация.

Таким образом, выбранный методологический подход позволяет не только зафиксировать текущее состояние внешнеполитической среды, но и сформировать сценарные ориентиры долгосрочного развития внешнеполитического курса России. Это особенно важно в условиях, когда традиционные механизмы международного прогнозирования демонстрируют ограниченную эффективность.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Переходя к анализу внешнеполитического курса России, его разработке и коррекции, целесообразно рассмотреть спектр мегатрендов в международной политике и ряд российских внутривнутриполитических факторов, последовательно выявляя их потенциал и влияние в защите и продвижении национальных интересов Российской Федерации в пространственно-временном континууме 1991–2025 годов.

Глобализация как мегатренд мировой политики

Глобализация в 1990-е и 2000-е годы являлась одним из ключевых мегатрендов современной мировой политики, представляя собой «ряд трансформаций» (Сакс, 2022, С.35), способствуя увеличению масштабов экономики мира и обеспечивая темпы экономических и культурных изменений, оказывающих комплексное воздействие на общенациональные и международные процессы. Включённость России в глобализационные процессы в определённой мере способствовала

Политология. История. Международные отношения. 2009. №14. С. 133-144.; Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. Монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. - 240 с.

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок /Генри Киссинджер; пер. с английского В. Желнинова, А. Милукова. – Москва: Издательство АСТ, 2024. 512 с.; Саква Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны /Саква Ричард; Пер. с англ. Н. Заборин, Е. Лукина, С. Сафьян. – М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 414 с.; Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция / ИМЭМО РАН. Отв. ред. А.Г. Арбатов, К.В. Богданов, О.В. Гусарова, М.Г. Евтодьева. Москва: Издательство «Весь Мир», 2023. 432 с.; Симония Н.А. Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности. //Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание /Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 243-253.;

² Дугин А.Г. Многополярный мир. От идеи к реальности: Монография /А.Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2024. 383 с.; Никонов В.А. Современный мир и его истоки. — М.: Издательство Московского университета, 2015. 880 с.; Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике: Роберт Джервис; перевод с английского Тиграна Ованнисяна. - Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. 648 с.

³ Городецкий А.Е., Митяков С.Н. Эволюция национальных интересов и экономическая политика России / А.Е. Городецкий, С.Н. Митяков //Развитие и безопасность 2023. №1. С. 4-20.

поддержанию научно-технологического развития страны, поскольку на современном этапе обмен знаниями, технологиями и опытом является критически важным условием прогресса в большинстве отраслей. Кроме того, как считает группа учёных-международников МГИМО, глобализация содействовала притоку в страну иностранных инвестиций, «способствовавших модернизации многих отраслей российской экономики» (Сакс, 2022, С.35).

Однако участие России в глобализационных процессах принесло стране и российскому обществу ряд серьёзных минусов. В частности, Российская Федерация оказалась в роли поставщика сырья, импорт существенно потеснил производство отечественных товаров, серьёзно снизился вес промышленного комплекса в экономике государства. Данный ракурс подтверждает вывод отечественного специалиста С. В. Борzych о проблематичности глобализации, которая как коммуникационная площадка создаёт два препятствия для национального развития.

Первое препятствие данный автор определяет как существенные сложности для развивающихся стран и государств с переходной экономикой в конкурировании с развитыми странами в производстве новых и инновационных товаров, оставаясь лишь поставщиком уменьшающихся ресурсов. Второе препятствие связано с культурной глобализацией, когда население стран с традиционными ценностями, включая Россию, вынуждено стать участником колоссального эксперимента по «вращиванию и социализации людей по невиданным ранее лекалам» (Сакс, 2022, С.35).

Кроме того, в условиях глобализации и либерализации торговли отечественным предприятиям стало зачастую сложно конкурировать с аналогичными зарубежными предприятиями, поставлявшими импортную продукцию в Россию, что особенно негативно сказывалось на развитии отечественного крупного, малого и среднего бизнеса. Более того, по оценкам В. Б. Кувалдина, Россия интегрировалась в глобальную экономику при «ухудшении условий экономического сотрудничества и внешней торговли» (Кувалдин, 2017), её бизнес-структурам было крайне сложно войти в глобальные производственные комплексы. А доминирования импорта в России в ряде отраслей вступало в масштабное противоречие с задачами обеспечения продовольственного суверенитета, значение которого возрастало по мере выражения независимой позиции страны на международной арене.

Помимо этого, доминирование добывающего сектора в структуре экономики в условиях глобализации представляет дополнительную угрозу в связи с уязвимостью для ценовой конъюнктуры, рисками деиндустриализации и монополизации экономики. Несмотря на устойчивый рост наукоёмкого сектора российской экономики в 2000-е годы, преодоление сырьевой зависимости остаётся одной из ключевых стратегических задач (Лугвин, 2007).

К этому стоит добавить, что глобализация, предполагающая включённость государств в глобальные цепочки создания стоимости, вела к разделению труда в мировом хозяйстве, что было хорошо для одних государств (развитых) и проблемно для других (например, для Российской Федерации). В результате страны, включая Россию, всё реже производят товары полного цикла, закупая компоненты и комплектующие у внешних поставщиков и попадая в зависимость от других участников рынка. Подобная экономическая зависимость создавала после присоединения РФ к ВТО в 2012 году предпосылки для внешнего политического давления, что наглядно продемонстрировали события после 2014 года.

Сотрудничество России с другими государствами в 1990-е и нулевые годы по широкому спектру культурных и гуманитарных вопросов позволяет нам говорить о процессе включённости российского гражданского общества в формирующееся мировое гражданское общество. С одной стороны, это обеспечивало участие Российской Федерации в решении глобальных проблем, способствуя укреплению международного авторитета страны, расширению сфер её влияния и сохранению статуса одного из ключевых акторов мировой политики. С другой стороны, культурная глобализация таргетировала национальные традиции, содействовала стиранию различий и формировала космополитическую идентичность, утверждала принцип разнообразия (ЛГБТ-культуру и трансгендерность), что неизбежно приводило «к разногласию и столкновениям» (Аппиа, 2024, С.267).

Таким образом, глобализация для России выступала одновременно источником и возможностей, и рисков, что предполагало от государственных и негосударственных внешнеполитических акторов анализа «опасности с точки зрения будущих последствий» (Гидденс, 2004, С.39), а также объективно требовало проведения селективной политики участия в глобальных процессах. Такая политика должна была быть направлена на извлечение экономических и технологических выгод при одновременной защите национального суверенитета и культурно-цивилизационной идентичности. В свою очередь, это влияло на трансформацию внешнеполитического курса России, которая находила свое выражение в коррекции Концепции внешней политики РФ.

Важно также иметь в виду, что тяжелое состояние экономики России в 1990-е годы, нехватка отечественных продуктов питания и некачественный продовольственный импорт (например, «ножки Буша») формировали запрос у населения страны на продовольственную безопасность. Соответствующая Доктрина продовольственной безопасности была принята в 2010 году, её главной целью стало достижение продовольственного суверенитета. Политическое давление стран Запада в 2010-х годах в навязывании нетрадиционных ценностей и своего понимания истории, экономические санкции в отношении страны после 2014 года (вхождение Крыма в состав России) и после 2022-го (начало СВО на Украине) предопределили в категорический императив обретения страной совокупного суверенитета. Компонентами данного феномена стали технологический, культурный и исторический суверенитет.

Имеет смысл также обратиться наравне с понятиями «глобализация» и «глобализм» к теоретическому осмыслению и объяснению дефиниции «суверенитет» и «суверенизм». Суверенитет, как полагает французский мыслитель Ж. Боден, есть «абсолютная и постоянная власть Государства» (Боден, 1999, С.688-695. С. 692), которую древние римляне называли величием. Отечественный специалист М. В. Ильин видит в суверенитете некую системную характеристику сосуществования государств с обязательным признанием властных авторитетов сторонами международных отношений (Суверинитет, 2008, С.21).

Российские политологи В. П. Кириленко и Г. В. Алексеев в контексте государственного суверенитета обращают внимание на правовое качество независимого государства, а также на суверенитет как высшую и непреложную ценность первичного субъекта международного права (Кириленко, 2016).

В данном аспекте целесообразно отразить следующий контекст при формировании и трансформации внешнеполитического курса, который реализовывался во внешней политике страны. Это выбор приоритета в рамках дихотомии «глобализация – суверенизм», который представлял собой

геополитический маятник от ценности глобализации в период 1991–2006 гг. к ценностям совокупного суверенитета России в 2007–2025 гг. Соответственно, «качание» данного маятника приводило к трансформации политико-управленческих практик внешнеполитических ведомств страны.

Политическая интеграция как мегатренд мировой политики

Политическая интеграция на современном этапе развития международных отношений является одной из доминирующих тенденций мирополитических процессов (Балацкий, 2025). В условиях глобализирующегося мира интеграционные объединения в виде межправительственных и неправительственных организаций становятся важнейшими инструментами координации политических, экономических и гуманитарных усилий государств, а также механизмами перераспределения политического влияния в мировой политике.

Россия, обладая значительными ресурсами во всех сферах жизнедеятельности, статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН, одного из государств – учредителей Организации Объединённых Наций, одной из ведущих космических держав, одной из крупнейших ядерных держав, а также значительным историческим, культурным и цивилизационным потенциалом, объективно выступает одним из наиболее значимых акторов мировой политики и одним из флагманов формирования более справедливой и устойчивой многополярной системы международных отношений.

В исследованиях Н. В. Соколова отмечено, что Россия как многонациональное федеративное государство использует интеграционные взаимодействия в качестве инструмента политического и социокультурного диалога (Лебедева, 2016), а также для формирования устойчивых межгосударственных объединений. Так, Российская Федерация формирует благоприятное внешнее окружение, необходимое для решения широкого спектра политических и экономических задач, укрепляет свой авторитет на международной арене как одного из полюсов силы в формирующемся многополярном мире.

После распада СССР Россия последовательно стремилась сохранить конструктивные отношения со странами постсоветского пространства, рассматривая их как стратегически важную сферу обеспечения национальной безопасности и суверенитета.

В то же время в условиях активного внешнего вмешательства со стороны ряда западных государств, использующих политические, экономические и информационные инструменты давления, сохранение прежнего уровня влияния России в ряде стран Восточной Европы и постсоветского пространства существенно осложняется. Организация политических провокаций и попытки дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в сопредельных государствах ограничивают возможности углубления интеграции и повышают конфликтный потенциал; в качестве демонстрационного примера можно рассмотреть Черноморскую зерновую инициативу, реализация которой привела к потере российскими сельхозпроизводителями порядка 1 млрд долларов (Ван Пэйюй. , 2023).

Следовательно, интеграционные процессы для России сопряжены не только с возможностями, но и с объективными уязвимостями, требующими в контексте дихотомии «глобализм – суверенизм» взвешенной и прагматичной внешнеполитической линии.

Имеет смысл обратиться и к возможностям политической интеграции. На

настоящий момент Россия является полноправным участником значительного числа международных организаций, среди которых ключевыми являются ООН, БРИКС, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, а также Союзное государство России и Беларуси, что стоит рассматривать как участие страны в глобализационных процессах. Вместе с тем наличие национальных интересов страны, которые поддерживаются основной частью её населения, отраслевыми элитами и государственной бюрократией, предопределяет трансформацию внешнеполитического курса в сторону ещё большего суверенизма. Такая линия поведения во внешней политике, в свою очередь, позволяет России задействовать широкий спектр политических и экономических инструментов для защиты национальных интересов.

Приведём конкретные примеры. Членство в ООН обеспечивает России возможность противостоять односторонним действиям государств и коалиций, стремящихся навязать собственную интерпретацию международного права. Членство Российской Федерации в ВТО может заключать в себе некоторые позитивные моменты, в частности доступ к юридическим процедурам разрешения споров экономического характера (Бухарин, 2025; Кудряшов, 2006). В рамках БРИКС страны-участницы работают над созданием альтернативных валютно-финансовых механизмов и систем трансграничных расчётов, что особенно важно в условиях санкционного давления и трансформации мировой финансовой архитектуры; премьер-министр РФ М. В. Мишустин видит в странах СНГ «ключевых партнеров» (Зрилова, 2023).

Международные межправительственные организации ШОС и ОДКБ играют ключевую роль в сфере обеспечения региональной безопасности, противодействия терроризму, экстремизму и другим транснациональным угрозам. ЕАЭС, в свою очередь, позиционируется как ядро континентальной интеграции (Бартош, 2023), а Россия рассматривается в качестве одного из основных интеграторов данного объединения (Гришина, 2025). В совокупности участие России в интеграционных объединениях создаёт основу для укрепления её позиций как одного из центров притяжения в мировой политике и формирования альтернативной архитектуры международных отношений. Наравне с этим приоритетом внутренняя политика страны, являющаяся продолжением политики внешней, создаёт условия для обеспечения не только технологического суверенитета, но и технологического лидерства (ключевое направление экономического и промышленного развития 2020-х годов).

Стоит также отметить, что современный внешнеполитический курс России во многом обусловлен необходимостью реагирования на недружественные действия ряда государств, которые, в свою очередь, содействуют укреплению военно-политического суверенитета. Принимаемые органами власти и управления РФ меры в сфере национальной безопасности создают условия для наполнения национального суверенитета России реальным содержанием, которое представляет собой правовую форму регулирования отношений и конфликтов между государствами (Левин, 2003, С.53). В другом аспекте санкционное давление, ограничение доступа к международным рынкам и попытки изоляции России ориентируют внешнеполитические ведомства страны на противодействие деструкциям оппонентов Российского государства.

В то же время нельзя игнорировать и негативные эффекты санкционного противостояния, в частности сокращение коммуникаций между научными и экспертными сообществами различных стран. Научно-технический прогресс во

многим определяется обменом знаниями и опытом, и ограничение подобных контактов снижает потенциал совместного ответа на глобальные вызовы. Однако при этом противовесом участия в глобализационных процессах является работа академических научных учреждений России по укреплению научного суверенитета страны, способствующего переходу на рельсы инновационного развития. Таким образом, интеграционный мегатренд требует от России одновременного решения двух взаимосвязанных задач – защиты суверенитета и сохранения каналов международного взаимодействия, критически важных для долгосрочного развития.

Демократизация как мегатренд мировой политики

Демократизация традиционно рассматривается в политической науке как один из ключевых факторов общественного и политического развития (Попов, 2025). Демократический режим правления обеспечивает признание и защиту естественных прав человека, подотчётность власти и участие граждан в принятии политических решений. В этом смысле демократия является важнейшим достижением человеческой цивилизации и значимым элементом мирового политического прогресса.

Для современной России демократические институты служат основой формирования правового государства и развития гражданского общества. За последние десятилетия российское гражданское общество прошло сложный путь становления, сопровождавшийся ростом правовой грамотности и гражданской ответственности населения и лидеров НКО, а также суверенизацией нашей страны в сфере взаимодействия российских институтов гражданского общества с международными.

Вместе с тем демократизация как мегатренд мировой политики не является однозначно позитивным процессом и требует критического осмысления в контексте национальных интересов. Одной из ключевых уязвимостей демократического режима является склонность к популизму. В условиях конкурентных выборов политические акторы нередко ориентируются на краткосрочные электоральные выгоды в ущерб долгосрочным стратегическим интересам государства. Кроме того, низкий уровень политической и правовой культуры, а также распространение политического абсентеизма могут приводить к принятию неоптимальных решений (Митрохина, 2025). Неоднозначные оценки в научном сообществе получает и институт лоббизма, который, с одной стороны, способствует артикуляции интересов различных социальных групп, а с другой – создаёт риски усиления влияния узких групп интересов на процесс принятия решений (Кабылинский, 2017).

Одной из наиболее часто упоминаемых слабых сторон демократии является модель «тирания большинства» (Мамедова, 2018), когда мнение меньшинства подавляется, а его право на оппозицию не реализуется. Политологи указывают на необходимость согласования различных точек зрения при проведении общественных преобразований, воздействующих на эффективность и масштабность реформ при демократии (Миршаймер, 2006). Так, демократизация без учёта институциональных и культурных особенностей государства способна стать фактором дестабилизации, а не устойчивого развития.

Особый аспект исследования – возможности демократизации. Несмотря на побочные эффекты, демократический режим открывает новые направления для социально-экономического развития. Демократическая среда способствует

формированию конкурентной рыночной экономики, росту уровня жизни населения и расширению участия граждан в общественной жизни. Автохтонные демократические институты повышают прозрачность деятельности органов власти и создают условия для общественного контроля, что способствует снижению уровня коррупции и укреплению доверия между государством и обществом. Кроме того, демократические режимы, как правило, склонны искать мирные способы разрешения международных конфликтов, прибегая к силовым методам лишь в крайних случаях.

Следовательно, для России ключевым становится поиск баланса между развитием демократических институтов во взаимодействии с аналогичными структурами постсоветского пространства, Глобального Юга и даже стран Запада и обеспечением общественно-политического суверенитета парламентских и непарламентских партий, институтов гражданского общества, имеющих независимый характер от международных структур, что, безусловно, будет содействовать сохранению управляемости и устойчивости политической системы.

В совокупности рассмотрение глобализации, политической интеграции и демократизации показывает, что каждый из мегатрендов обладает для России двойственной природой: он одновременно открывает новые возможности для продвижения национальных интересов и порождает дополнительные ограничения и риски. Такая неоднозначность требует перехода от анализа отдельных тенденций к их комплексному сопоставлению. Именно поэтому представляется методологически оправданным обратиться к сводному SWOT-анализу, позволяющему интегрировать выявленные сильные стороны, уязвимости, возможности и угрозы в целостную экспертную оценку перспектив внешнеполитического курса России. Оценка направлений развития внешнеполитического курса России, представлено в табл. 1.

Оценка направлений (табл.1) отражает, что внешнеполитический курс Российской Федерации в условиях действия трендов мировой политики формируется как система стратегически устойчивых ориентиров, допускающих гибкую корректировку инструментов в ответ на изменения международной среды.

Результаты анализа подтверждают, что Россия обладает достаточным внутренним потенциалом для сохранения и укрепления статуса одного из полюсов силы формирующегося многополярного мира при условии последовательной реализации стратегий роста, защиты, компенсации и сдерживания рисков. Тем самым внешнеполитический курс России приобретает комплексный и созидательный характер, ориентированный на защиту национальных интересов и участие в выработке устойчивой архитектуры международных отношений.

Следовательно, ключевой особенностью современной внешнеполитической среды является не доминирование какого-либо одного мегатренда, а их одновременное и взаимосвязанное воздействие, формирующее многомерное пространство политических решений.

Глобализация создаёт возможности для научно-технологического и экономического развития, однако усиливает уязвимость национальных экономик и государств для внешнего давления. Политическая интеграция способствует укреплению позиций России как одного из центров силы, но одновременно сопряжена с рисками политической дестабилизации в сопредельных регионах. Демократизация расширяет пространство для развития гражданского общества, но при отсутствии институционального баланса может приводить к фрагментации и популизму.

Таблица 1 – Оценка направлений развития внешнеполитического курса России
Table 1 – Assessment of the Directions for the Development of Russia's Foreign Policy Course

Элемент анализа	Содержание направлений развития
Цели	• статус России как одного из ключевых акторов мировой политики и постоянного члена Совета Безопасности ООН; • значительный ресурсный, научно-технологический и культурно-цивилизационный потенциал; • институциональная устойчивость системы государственного управления; • повышение интеграционного потенциала на евразийском пространстве; • способность сочетать участие в глобальных процессах с защитой суверенитета
Риски и уязвимости	• зависимость от внешних рынков и глобальных цепочек создания стоимости; • сохраняющиеся структурные дисбалансы экономики; • уязвимость для санкционного и политического давления; • ограниченность механизмов долгосрочного стратегического прогнозирования; • риски фрагментации международной научно-технологической кооперации
Возможности	• формирование многополярного мира и перераспределение центров силы; • развитие интеграционных объединений (ЕАЭС, БРИКС, ШОС, ОДКБ); • расширение международной кооперации в ответ на глобальные технологические и гуманитарные вызовы; • участие в формировании мирового гражданского общества; • использование глобализации как ресурса технологической и институциональной модернизации
Угрозы	• деградация культуры международного права и рост односторонних действий; • санкционное давление и попытки политической и экономической изоляции; • дестабилизация сопредельных регионов; • навязывание внешних ценностных и институциональных моделей; • усиление глобальной неопределённости и волатильности международной среды
Стратегии, направленные на рост и развитие государства	• активное участие России в формировании многополярного миропорядка; • использование интеграционного потенциала для укрепления международных позиций; • расширение международной кооперации на основе защиты суверенитета и цивилизационной идентичности
Защитные стратегии	• использование институциональных и международно-правовых механизмов для нейтрализации угроз; • укрепление внутренней устойчивости в условиях внешнего давления; • снижение критической зависимости от внешних центров влияния
Компенсационные стратегии	• диверсификация экономики за счёт международного сотрудничества; • развитие научно-технологического потенциала; • использование интеграционных форматов для компенсации внешних ограничений
Сдерживание рисков	• развитие механизмов долгосрочного стратегического планирования; • предотвращение институциональной и социальной фрагментации; • минимизация негативных эффектов сочетания внутренних уязвимостей и внешних угроз

В совокупности данные обстоятельства подтверждают необходимость комплексного подхода к формированию внешнеполитического курса России, учитывающего системное взаимодействие мегатрендов.

Формирование мирового гражданского общества и ноосфера

Одним из наиболее значимых выводов проведённого анализа является тезис о формировании мирового гражданского общества как долгосрочной тенденции развития международных отношений. Данный процесс обусловлен объективным ростом взаимозависимости государств, трансграничным характером современных угроз и ускорением научно-технологического прогресса. Развитие киберпространства, внедрение киберфизических систем, распространение искусственного интеллекта и биотехнологий радикально трансформируют формы социального взаимодействия и политической коммуникации. В этих условиях человеческая деятельность всё в большей степени разворачивается в пространстве, которое можно охарактеризовать как нарождающуюся ноосферу.

Следовательно, защита национальных интересов в XXI веке осуществляется уже не только в традиционных геополитических координатах, но и в условиях глобального информационного и технологического пространства. Стоит также иметь в виду, что мировое гражданское общество проходит становление под влиянием стремления государств и обществ совместно искать ответы на вызовы планетарного масштаба, среди которых можно выделить киберугрозы, риски военной эскалации, проблемы биологической и ядерной безопасности, этические вопросы применения искусственного интеллекта, генной инженерии и биомедицинских технологий.

В этой связи становится очевидным, что изоляционистские и автаркические модели развития утрачивают практическую применимость. Современные общества всё в большей степени осознают, что обеспечение устойчивого развития невозможно без международной кооперации и согласованных усилий. Вместе с тем, реализуя партнёрское взаимодействие на международной арене, имеет смысл выстраивать баланс в сфере таргетирования рисков и угроз, которые исходят от других государств (США, Великобритания, Украина и др.) в виде кибермошенничества и биологических угроз. Таким образом, ставка на суверенизм в данном аспекте логично будет приносить эффект в виде укрепления России как сингулярного государства.

ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ мегатрендов мировой политики позволяет утверждать, что современная международная система находится в процессе трансформации в сторону многополярности как «альтернативного хода истории, который отвергает универсальность либеральной глобализации» (Дугин, 2024, С.70). При этом формирование многополярного мира не означает устранения асимметрий и неравенства между государствами, которые функционируют в «рамках новой (обновленной) политической организации мира, которая пока не сформировалась» (Лебедева, 2019, с.43). Напротив, неравномерное распределение ресурсов, различия в уровне экономического и технологического развития объективно предопределяют существование полюсов силы.

С точки зрения естественно-правовых и политико-философских концепций идея многополярного мира рассматривается как более справедливая альтернатива однополярной модели, основанной на доминировании одного государства или узкой группы государств. В то же время на практике многополярность реализуется через сложную конфигурацию центров силы,

взаимодействующих и конкурирующих между собой. Следовательно, многополярный мир следует рассматривать не как статичную модель, а как динамический процесс перераспределения влияния и ответственности между ключевыми акторами мировой политики.

Россия в данной конфигурации выступает в качестве одного из устойчивых полюсов силы, обладающего значительным политическим, военным, экономическим и культурно-цивилизационным потенциалом, она, как полагает политолог В. А. Никонов, «куда более монолитна в понимании своего естества, добра и зла» (Никонов, 2015, С.447). Сохранение и укрепление данного статуса требует не только жёсткой защиты суверенитета, но и способности к политическому великодушию, готовности к диалогу и поиску компромиссов.

Вместе с тем внешняя политика России, опирающаяся на внешнеполитический курс политической власти, претерпевала серьёзные трансформации во временном континууме 1991–2025 гг., которую логично понимать в парадигме англо-венгерского социолога К. Поланьи как процесс поиска и обретения равновесия сил и приоритетов (Поланьи, 2002, С.13). В нашем случае – между глобализацией и суверенизмом. Важно сразу же отметить, что в 1993 году, в период принятия первой внешнеполитической концепции («Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации»), российский геополитический маятник качнулся в сторону интеграции России в глобальное международное сообщество, были выбраны приоритеты со странами СНГ и со странами Запада, что означало вестернизацию как компонент глобализации и прозападный внешнеполитический курс, в рамках которого «однополярность оказалась лучшим или наименее неадекватным термином для эпохи после холодной войны» (Шпор, 2023, с. С. 507).

В июне 2000 года Президент РФ В. Путин утвердил своим указом новую Концепцию внешней политики РФ, которая фактически представляла собой пересборку внешнеполитического курса – по Б. Латуру, то, что «собирается» актором-сетью под сенью общества (Латур, 2014, С.68). Причиной пересборки названа ситуация, показывающая, что «расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром»¹, не оправдались. Среди целей внешнеполитического курса, помимо национальной безопасности страны и её развития, была определена задача формирования многополярной системы. Продолжением пересборки внешней политики страны стала и Концепция 2008 года, которая ставит задачу многовекторности как отличительной черты российской внешней политики². Еще одним примером пересборки внешней политики стала Концепция внешней политики РФ, утверждённая главой государства в феврале 2013 года (до вхождения Крыма в состав России).

В данной концепции впервые рассматривались вопросы реализации инструментов «мягкой силы», которая оценивалась как системный инструментальный решения внешнеполитических задач с задействованием НКО

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (фактически утратила силу) УТВЕРЖДЕНА Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года. <https://ir.rudn.ru/books/b2/30.pdf> (Дата обращения: 17.04. 2026).

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А.Медведевым 12 июля 2008 г. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/ (Дата обращения: 17.04. 2026).

и других негосударственных акторов в виде «альтернативны технологиям классической дипломатии»¹. Таким образом, гибкость внешнеполитического курса России как результат пересборки, но не кардинальной трансформации должна была рассматриваться экспертным и научным сообществом, государственными внешнеполитическими ведомствами других стран не как отказ от принципов, а как инструмент адаптации РФ к меняющейся международной среде при сохранении стратегических ориентиров.

Примерами кардинальной политической трансформации внешнеполитического курса стали концепции внешней политики 2016 и 2023 годов. Концепция 2016 года отражала наличие кризиса между Россией и странами Запада, что явилось следствием «наличия неравномерного поля национальных государств, с доминированием крупных игроков» (Тербон, 2017, С. 185). При этом в данном доктринальном внешнеполитическом документе была отражена наступательная позиция российской политики на международной арене, предусматривающая усиление позиций РФ как одного из влиятельных центров на международной арене и укрепление позиций СМИ и новых медиа России в глобальном информационном пространстве².

В марте 2023 года глава Российского государства утвердил новую редакцию Концепции внешней политики РФ, которая также отразила продолжение кардинальных трансформаций внешнеполитического курса. Как отмечает отечественный исследователь О. А. Овсянникова (Овсянникова, 2025, С.31), эти трансформации курса, как и мирового порядка в целом, связаны и с украинским кризисом, и с воздействием «комплекса факторов в значительной мере деструктивного характера». В данной концепции было отражен принципиальный аспект о том, что страна реализует самостоятельный и многовекторный внешнеполитический курс, основанный на её национальных интересах и «осознании особой ответственности за поддержание мира и безопасности»³. Таким образом, как полагает автор, геополитический маятник во внешней политике России, который в 1993 году находился на стороне глобализма, качнулся в другую сторону – в сторону суверенизма, диктуемого национальными интересами и поддерживаемого основными социальными слоями и группами населения России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важным аспектом трансформации внешнеполитического курса России является анализ перспектив нормализации отношений с государствами, относящимися к числу недружественных. Современная международная ситуация характеризуется деградацией культуры международного права и ростом практики односторонних действий, что существенно осложняет диалог между государствами. В то же время сохраняются объективные предпосылки для восстановления каналов коммуникации и поиска общих точек взаимодействия. Исторический опыт показывает, что даже в условиях жёсткого геополитического противостояния государства вынуждены

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) (утратила силу). <https://ir.rudn.ru/books/b2/31.pdf> (Дата обращения: 17.04. 2026).

² Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 17.04. 2026).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Указ Президента российской Федерации от 31 марта 2023 года №229. <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (Дата обращения: 24.12. 2025)

возвращаться к диалогу в ответ на системные вызовы.

Проведённый автором SWOT-анализ подтверждает, что Россия в современных условиях способна сочетать участие в глобальных процессах с защитой суверенитета и национальной идентичности. Формирование нового мирового порядка, основанного на идее многополярности, и рост транснациональных вызовов делают международную кооперацию с «глобальным большинством» (дружественные и нейтральные страны) объективной необходимостью.

В этих условиях Россия, сохраняя статус одного из ключевых полюсов силы формирующегося многополярного мира, заинтересована в укреплении диалога даже с частью западного мира и выработке совместных ответов на глобальные вызовы. Тем самым внешнеполитический курс России приобретает не только защитный, но и созидательный характер, ориентированный на обеспечение устойчивого развития мировой политической системы. Более того, при этом внешнеполитический курс России формируется и трансформируется как система долгосрочных ориентиров, адаптируемых к изменяющимся условиям мировой политики.

Проведённый анализ мегатрендов мировой политики и учёт внутриполитических факторов позволяют сформулировать следующие ключевые выводы.

Во-первых, Россия в XXI веке выступает не столько объектом глобальных трансформаций, сколько активным субъектом формирования мировой политической повестки дня, влиятельным актором изменений в мировой политике на основе идеи многополярности.

Во-вторых, эффективная внешняя политика РФ в условиях глобальной неопределённости требует сочетания стратегической устойчивости и тактической гибкости, активных наступательных действий с применением как инструментов «мягкой силы», так и механизмов «жёсткой силы».

В-третьих, глобализация, политическая интеграция и демократизация при формировании и трансформации внешнеполитического курса должны рассматриваться в их взаимосвязи, а не изолированно, что предполагает комплексный подход к выработке внешнеполитических решений.

Список литературы:

1. Аппиа К.Э. Этика идентичности /Кваме Энтони Аппиа; пер. с англ. Д. Турко. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. 504 с.
2. Балацкий, Е. В. Китайская модель геополитического успеха // Мир России. 2025. Т. 34, № 3. С. 167-185. -DOI :10.17323/1811-038X-2025-34-3-167-185. EDN: SQGXCV
3. Бартош, А. А. Вопросы теории гибридной войны. // Москва: Горячая линия - Телеком. -2023. -324 с. - ISBN: 978-5-9912-0980-9
4. Бобров А.К. Внешняя политика России. Концептуальные основы /А.К. Бобров. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2025. 256 с. ISBN: 978-5-7567-1325-1 EDN: TIPIQE
5. Боден Ж. Шесть книг о государстве Жана Бодена / Жан Боден //Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. II. Европа V-XVII вв. Нац. обществ.-науч. фонд. Руководитель Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. С.688-695.
6. Бухарин, М. Д. Полярность международной среды в теории и истории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История.

Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 3. С. 164-174. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.3.15 EDN: BNPACN

7. Быков О. Н. Национальные интересы и внешняя политика. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 26. ISBN: 978-5-9535-0264-1 EDN: MZMNXV

8. Ван Пэйюй. Китайская модель государственного управления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические. Культурология. Политические науки. 2023. № 1.

9. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; Пер. с англ. М.Л. Коробченко. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. 120 с.

10. Гришина Т.М. Исторические уроки применения и противодействия гибридным войнам // История государства и права. 2025. № 12. С. 63-69. DOI: 10.18572/1812-3805-2025-12-63-69 EDN: DAVVBI

11. Дугин А.Г. Многополярный мир. От идеи к реальности: Монография / А.Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2024. – 383 с.

12. Зрилова, Е. С. Трансформация модели государственного управления в условиях геополитического противостояния и санкционного давления // Развитие и безопасность. 2023. № 3 (19). С. 20-31. DOI: 10.46960/2713-2633_2023_3_20 EDN: NOYDNB

13. Кабылинский, Б. В. Политическая культура и социальный конфликт в КНДР: идеология (Часть 1) // Власть. 2017. Т. 25, № 7. С. 178-182. EDN: ZBLSAJ

14. Кеохейн Р.О. Международные отношения: вчера и сегодня /Р.О. Кеохейн //Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Под ред. Р.Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. С. 438-450. С. 446.

15. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях /В.П. Кириленко, В.Г. Алексеев // Управленческое консультирование. 2016. №3. С. 14-23. С. 15. EDN: VUYQDP

16. Кувалдин В. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения /В. Кувалдин. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. 400 с.

17. Кудряшов, К. В. Основные правовые доктрины и модели института президентства в зарубежных странах, поиск оптимальной модели для Российской Федерации // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. № 44. С. 171-178. EDN: MOTSQP

18. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию/ Б. Латур; пер. с англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.384 с. С. 68. ISBN: 978-5-7598-0819-0 EDN: SYZVMJ

19. Лебедева М. М. Система политической организации мира: "идеальный шторм"// Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2. С. 125-132. EDN: VWVFQT

20. Лебедева М.М. Трансформация политической организации мира / М.М. Лебедева // Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2019. – С. 30–44.

21. Левин И. Д. Суверенитет / Предисловие докт. юрид. наук, проф. С. А. Авакьяна. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 373 с.

22. Лугвин, С. Б. Становление новой модели государственного управления и государственной службы в Республике Беларусь // Власть. 2007. № 8. С. 31-35. - EDN: KTWLEX

23. Мамедова, Н. М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации // Контуры глобальных трансформаций:

политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 3. С. 152-165. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-152-165. EDN: YMMIZF.

24. Миршаймер Д. Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне // Россия в глобальной политике. 2006. № 6. - URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-my-skoro-budem-toskovat-poholodnoi-voine> (дата обращения: 20.08.2025).

25. Митрохина Т.Н., Глобальная реконфигурация современной системы международной безопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Т. 14. № 7-1. С. 124-130. DOI: 10.34670/AR.2025.61.97.011 EDN: NOFJZI

26. Моргентау Г. Система международных отношений. Нации в борьбе за власть. /Ганс Моргентау. – Москва: Родина, 2023. – 528 с.

27. Николаева М. А. Геополитический аспект государственного управления: политико-социологический анализ // Власть. 2024. Т. 32. № 3. С. 161-165. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-161-165. EDN: DASLNW

28. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. — М.: Издательство Московского университета, 2015. 880 с. ISBN: 978-5-19-011045-6 EDN: ZBEEUX

29. Овсянникова О.А. Трансформация современного мирового порядка в условиях украинского кризиса: монография / Овсянникова О.А. – Москва: ИНФРА-М, 2025. - 282 с

30. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Карл Поланьи; перевод с английского А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева. Под общей редакцией С. Е. Федорова. - СПб.: Алетейя, 2002. 320 с. ISBN: 5-89329-532-3 EDN: VUMQIR

31. Попов, В. В. Китайская модель. Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет. Монография. М.: Fortis Press, 2025. 392 с. ISBN: 978-5-605-27992-1

32. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / А. Ф. Андреев, И. В. Бернацких, А. С. Богданов [и др.]. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. 604 с. ISBN: 978-5-7281-3057-4 EDN: MGKWUQ

33. Рахманова, Д. Д. Наблюдаемые в мире геополитические угрозы и их влияние на государственную безопасность // Конфликтология/ nota bene. 2019. -№ 2. - URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30731.

34. Суверенитет. Трансформация понятий и практик: монография /под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО-Университет, 2008. 228 с.

35. Сакс Дж. Эпоха глобализации: география, технологии и институты /Джеффри Сакс; перевод с английского Н. Проценко. - Москва: Издательство Института Гайдара, 2022. 368 с.

36. Терборн, Й. Мир: Руководство для начинающих / пер. с англ. Е. М. Горбуновой, Л. Г. Титаренко; под науч. ред. С. М. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - 2-е изд. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 336 с.

37. Шпор К. Когда падали стены... Переустройство мира после 1989 года / Кристина Шпор; пер. с англ. О.А. Зимарин. - М.: Издательство «Весь Мир», 2023. 640 с.

38. Kingdon John W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. With new foreword by James A. Thurber. - London: Pearson plc, 2011. 274 p.

39. Kupchan C. A. No Ones World. The West, The Rising Rest, and the Coming Global Turn. New York: Oxford University Press. 2012. 272 p. DOI: 10.1093/acprof:osobl/9780199739394.001.0001

References:

1. Appiah, K. A. (2024) *The Ethics of Identity*. Kwame Anthony Appiah; translated from English by D. Turko. Moscow: New Literary Review. 504 p. (In Russ)

2. Balatsky, E. V. (2025) The Chinese Model of Geopolitical Success. *Mir Rossii*. Vol. 34, no. 3. Pp. 167–185. (In Russ) DOI:10.17323/1811-038X-2025-34-3-167-185. EDN: SQGXCV
3. Bartosh, A. A. (2023) Issues in the Theory of Hybrid Warfare. Moscow: *Hotline – Telecom*. 324 p. (In Russ) ISBN: 978-5-9912-0980-9
4. Bobrov, A.K. (2025) Russia's Foreign Policy. Conceptual Foundations. Moscow: Aspect Press Publishing House. 256 p. (In Russ) ISBN: 978-5-7567-1325-1 EDN: TIPIQE
5. Bodin, J. (1999) Six Books on the State by Jean Bodin. Jean Bodin. *Anthology of World Legal Thought. In 5 volumes. Vol. II. Europe in the 5th–17th centuries. National Social and Scientific Foundation*. Head: G. Yu. Semigin. Moscow: Mysl. (In Russ)
6. Bukharin, M. D. (2025) The polarity of the international environment in theory and history. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. Vol. 30, no. 3. Pp. 164-174. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.3.15 EDN: BNPACN
7. Bykov, O. N. (2010) *National Interests and Foreign Policy*. Moscow: IMEMO RAS. P. 26. (In Russ). ISBN: 978-5-9535-0264-1 EDN: MZMNXV
8. Wang Peiyu. (2023) The Chinese Model of Governance. *Humanities, socio-economic and social sciences. Series: Historical. Cultural Studies. Political Sciences*. no. 1. (In Russ)
9. Giddens, E. (2004) The Failing World: How Globalization Changes Our Lives. Translated from English by M.L. Korobchenko. Moscow: Publishing House "Ves Mir", 120 p. (In Russ)
10. Grishina, T.M. (2025) Historical Lessons in the Use and Counteraction to Hybrid Wars. *History of State and Law*. no. 12. Pp. 63-69. (In Russ) DOI: 10.18572/1812-3805-2025-12-63-69. EDN: DAVVBI
11. Dugin, A.G. (2024) Multipolar World. From Idea to Reality: A Monograph. Moscow: Academic Project, 383 p. (In Russ)
12. Zrilova, E.S. (2023) Transformation of the Model of Public Administration in the Context of Geopolitical Confrontation and Sanctions Pressure. *Development and Security*. no. 3 (19). Pp. 20–31. (In Russ) DOI: 10.46960/2713-2633_2023_3_20 EDN: NOYDNB
13. Kabylinsky, B. V. (2017) Political Culture and Social Conflict in the DPRK: Ideology (Part 1). *Vlast*. Vol. 25, no. 7. Pp. 178-182. (In Russ) EDN: ZBLSAJ
14. Keohane, R.O. (1999) International Relations: Yesterday and Today. *Political Science: New Directions*. translated from English by M.M. Gurvits, A.L. Demchuk, T.V. Yakusheva. Edited by R. Goodin and H.-D. Klingemann. Scientific editor of the Russian edition: E.B. Shestopal. Moscow: Veche. Pp. 438–450. (In Russ)
15. Kirilenko, V. P., Alekseev G. V. (2016) The Problem of State Sovereignty in Modern Geopolitical Conditions. *Management Consulting*. no. 3. Pp. 14–23. P. 15. (In Russ). EDN: VUYQDP
16. Kuvaldin, V. (2017) *Global World. Politics. Economy. Social Relations*. Moscow: Publishing House "Ves Mir". 400 p. (In Russ)
17. Kudryashov, K. V. (2006) Main legal doctrines and models of the institution of presidency in foreign countries, the search for an optimal model for the Russian Federation. *Bulletin of the Stavropol State University*. no. 44. Pp. 171–178. (In Russ). EDN: MOTSQP
18. Kupchan, (2012) C. A. No One's World. The West, The Rising Rest, and the Coming Global Turn. New York: Oxford University Press. 272 p. (In Russ). DOI: 10.1093/acprof:osobl/9780199739394.001.0001
19. Latour, B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. translated from English by I. Polonskaya; edited by S. Gavrilenko; National Research. Higher School of Economics University. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 384 p. ISBN: 978-5-7598-0819-0. (In Russ) EDN: SYZVMJ
20. Lebedeva, M. M. (2016) The System of Political Organization of the World: "Perfect Storm". *Vestnik MGIMO University*. no. 2. Pp. 125–132. (In Russ). EDN: VWVFQT

21. Lebedeva, M.M. (2019) Transformation of the Political Organization of the World. *Order – Time for Change: Collection of Articles* . edited by A.I. Solovyov, O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspect Press Publishing House. Pp. 30–44. (In Russ)
22. Levin, I.D. (2003) Sovereignty . Preface by Dr. of Law. S. A. Avakyan. St. Petersburg: Publishing House “Yuridichesky Tsentri Press”. 373 p. (In Russ)
23. Lugvin, S. B. (2007) The Formation of a New Model of Public Administration and Public Service in the Republic of Belarus. *Vlast*. no. 8. Pp. 31–35. (In Russ). EDN: KTWLEX
24. Mamedova, N. M. (2018) The Political System of the Islamic Republic of Iran: Features and Possibilities of Transformation. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 11, no. 3. Pp. 152–165. (In Russ). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-152-165. EDN: YMMIZF.
25. Mearsheimer, J. (2006) Why We Will Soon Be Longing for the Cold War. *Russia in Global Affairs*, no. 6. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-my-skoro-budem-toskovat-poholodnoi-voine> (accessed: 20.08.2025).
26. Mitrokhina, T.N., (2025) Global Reconfiguration of the Modern International Security System. *Theories and Problems of Political Research*. Vol. 14. no. 7-1. Pp. 124-130. (In Russ). DOI: 10.34670/AR.2025.61.97.011. EDN: NOFJZI
27. Morgenthau, H. (2023) The System of International Relations. Nations in Struggle for Power. Moscow: Rodina. 528 p. (In Russ)
28. Nikolaeva M. A. (2024) The Geopolitical Aspect of Public Administration: A Political and Sociological Analysis. *Vlast*. Vol. 32. no. 3. Pp. 161–165. (In Russ). DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-161-165. EDN: DASLNW
29. Nikonov, V.A. (2015) *The Modern World and Its Origins*. Moscow: Moscow University Press, 880 p. (In Russ). ISBN: 978-5-19-011045-6 EDN: ZBEEUX
30. Ovsyannikova, O.A. (2025) *Transformation of the Modern World Order in the Context of the Ukrainian Crisis: a Monograph*. Moscow: INFRA-M. 282 p. (In Russ)
31. Polanyi, K. (2002) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time.*; translated from English by A. A. Vasiliev, S. E. Fedorov, and A. P. Shurbelev. Edited by S. E. Fedorov. St. Petersburg: Aletya. 320 p. (In Russ) ISBN: 5-89329-532-3 EDN: VUMQIR
32. Popov, V. V. (2025) *The Chinese Model. Why did China used to lag behind the West, and now it is overtaking it*. Monograph. Moscow: Fortis Press. 392 p. ISBN: 978-5-605-27992-1. (In Russ).
33. Andreev, A. F., Bernatskikh, I. V., Bogdanov, A. S. [et al.]. *Predicted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and directions for their neutralization*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2021. 604 p. ISBN: 978-5-7281-3057-4. (In Russ). EDN: MGKWUQ
34. Rakhmanova, D. D. (2019) Geopolitical threats observed in the world and their impact on state security. *Conflictology. Nota Bene*. no. 2. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30731. (In Russ)
35. *Sovereignty. Transformation of Concepts and Practices: a monograph* . Edited by M.V. Ilyin, I.V. Kudryashova. Moscow: MGIMO University, 2008. 228 p. (In Russ)
36. Sacks, J. (2022) *The Age of Globalization: Geography, Technology, and Institutions*; translated from English by N. Protsenko. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 368 p. (In Russ)
37. Spoor, K. (2023) *When the Walls Fell... The Remaking of the World after 1989*. translated from English by O.A. Zimarin. Moscow: Ves Mir Publishing House. 640 p. (In Russ)
38. Kingdon, John W. (2011) *Agendas, Alternatives, and Public Policies* . John W. Kingdon; with a new foreword by James A. Thurber. London: Pearson plc. 274 p. (In Russ)

Сведения об авторе:

Макаренко Татьяна Валерьевна кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет, 344002, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69, e-mail: tvmakarenko@internet.ru, SPIN-код: 9972-5021, AuthorID: 863594, <https://orcid.org/0000-0002-0863-7984>.

About the author:

Tatyana Valeryevna Makarenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics, 344002, Rostov Oblast, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Street, 69, e-mail: tvmakarenko@internet.ru, SPIN-код: 9972-5021, AuthorID863594, <https://orcid.org/0000-0002-0863-7984>.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор утвердил окончательный вариант статьи.

The author declares no conflict of interest.
The author has approved the final version.

© Макаренко Т.В., 2026

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>